

ПАРАЛЛЕЛЬ

Нестор Чернов

Нестор Черных

Параллель. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27107137

SelfPub; 2017

Аннотация

Повесть-мозаика. Два мира, четыре истории, семь судеб – лишь одна воля, которой суждено сбыться. Обычно основой истории служит выбор. Или же его отсутствие. Но что, если при разном выборе один исход? Поэтому лишь текущий момент имеет значение.

Содержание

Глава ноль-I	4
Глава I. Серость	26
Глава ноль-II. Быт	49
Глава II. Ветра	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Глава ноль-І

Девушка пошарила рукой в кармашке куртки. Наждачной бумагой прошёлся по замёрзшим пальцам затвердевший хлопок, и не сразу удалось достать на свет продолговатый пузырёк в пластиковом кожухе. Завывающая метель не отставала, даже в тесном переулке находила свою жертву, хлестала снегом по лицу и выдавливала из глаз слёзы. Девушка мотнула головой, откинув волосы с шеи, приложила иньектор к коже, потерявшей от мороза чувствительность, и, выронив уже пустую ампулу, упёрлась рукой в стену. Лекарство всосалось в кровь, и менее чем через пару минут по мышцам прошла тёплая волна, прогнавшая иглы стужи и расслабившая тело. Переулок посветлел, граффити на стенах обрели больший объём и глубину цвета, сеющий с неба снег перестал раздражать своей назойливостью.

Она моргнула и насладились тем, как ресницы слиплись на морозе, расчертив окружающий мир причудливой сеткой. Да... эти таблетки куда вкусней на свободе – спасибо докторам за освобождение и за открытие этого чудного мира психотропных препаратов, благо найти их в большом городе – не ахти какая проблема. Подумать только! Грамм прессованного порошка решает столько проблем...

Мимо проехало такси. Девушка с интересом смотрела на

свою раздвоенную тень – от фар автомобиля и от тусклого фонаря на той стороне дороги. Однако, когда автомобиль удалился, вторая тень не исчезла. Она отклеилась от стены, стала объёмной, на миг утратила форму и снова обрела – но была уже чужой.

– Опять ты...

Девушка понурила голову, из груди её вырвался негромкий смех. Взъерошив волосы, вновь посмотрела перед собой – тень никуда не исчезла и ничего не ответила.

– Думаешь, не стоит мне тут сидеть? Ладно, зануда, веди.

И, не дожидаясь, двинулась с места. Шла наугад, не обращая внимания на бьющий по лицу снег. Ветер трепал расстёгнутую джинсовую куртку и чёрным флагом развевал длинный вязаный шарф. В груди медленно распаялся жаркий удушающий очаг, резко контрастируя с леденеющим телом. Изредка оглядывалась на своего спутника. Насколько позволял замёрзший рот, высовывала язык, а вот гримасу скорчить уже не удавалось.

– И куда я иду, зачем? Мне и там хорошо было... – клонящаяся к земле голова стукнулась о стекло витрины.

Спутник исчез в ярком свете зелёной вывески над входом в торговый павильон.

– Вадик, Вадик, что же ты...

Но Вадик не отвечал, и это удручало больше всего. Мак

огляделся. Упирающиеся в небо многолетние деревья, голые кусты, припорошенные снегом новые могилы и заросшие бурьяном – старые. Теснятся, прижимаются друг к другу разномастные оградки, рисуя из тропинок целый лабиринт. И везде – глаза-глаза-глаза. А вот могила друга детства молчит. И точно уже не откликнется. А ведь был у него всегда запасной план, но, видимо, натолкнулся на игрока похитрей.

Желание найти того, по чьей вине это место на кладбище обрело постоянного жильца раньше времени, толкнуло на поиски. Не может ТАКАЯ сила просто прятаться, не оставляя никаких следов. Даже в большом городе любое движение можно при желании выявить, распознать. И пусть виновника торжества уже нет поблизости, это не повод расслабляться. Хотя бы для того, чтобы подобного не повторилось.

Мак опустил веки и вдохнул тягучий морозный воздух. Солнце, всё ускоряясь, раз за разом начало восходить на западе и мчаться к востоку. Снег летел в небо, листья плавно поднимались к ветвям, зеленели, ужимались, превращаясь в завязи почек, трава вращалась обратно в землю. Лужи рассыпались и превращались в слежавшийся снег. Постоянно бегали люди, смешно так – задом наперёд. Стоп! Мак обошёл несколько раз вокруг пустой пока ещё ямы. Три работника в стандартных комбинезонах подготавливали широкие ремни. Четвёртый приколачивал крышку, облизывая предварительно гвоздь, и двумя уверенными ударами загоняя его по самую шляпку.

Под гроб проделали ремни и не очень бережно опустили. Жена подошла, бросила горсть земли, после чего работники заработали лопатами. Комки смёрзшейся глины выбивали гулкую дробь из крышки недорогого ящика, а молодая вдова молча стояла в сторонке, вытирая ладошку о новое платье. Растеряно посмотрела по сторонам, будто только сейчас заметив, что кроме неё никто на церемонию не пришёл. От работников погоста сочувствия женщина так же не дождалась. Сунула одному из них помятую купюру и засемила к выходу с кладбища, часто спотыкаясь.

Нет, и здесь его не было, нечего было грешить на давность срока. Тело стало пустой оболочкой. Не якорем, не тюрьмой, не мостом. Не мог друг просто так кануть. Не мог.

Мак ухватился за ниточку, едва уловимой струной убегающей куда-то влево. Влево... не сквозь планы и потоки. Пройдя какую-то сотню метров, Мак остановился перед другой могилой. К ней со всех сторон стягивались такие же струны. Две, четыре... шестнадцать штук. И ещё один жгут, потолще, пронзал пространство и терялся в завихрениях энергии. Сконцентрировавшись, Мак смог разглядеть узел на том конце. В тумане вспыхивали фосфорическим огнём этажи старого дома с жёлтым кирпичным фасадом, но образа точней было не выцепить.

Задумчиво посмотрел на простенький деревянный крест с жестяной табличкой. Надпись на ней гласила: «Олег Касидис, 2026 – 2049».

Бабулька жмёт зелёную кнопку и уступает место мужчине лет сорока с лёгкой щетиной. Он то и дело поправляет мешковатые потёртые брюки и прижимает левую руку к боку, стараясь спрятать неровную строчку на рукаве.

«Первый» – подумал про себя Эвальд и приветливо улыбнулся. Мужчина сдвинулся на самый краешек стула и без лишних разговоров положил на стол паспорт.

«Да нет, не первый. Наверное, даже не третий».

– Тридцать тысяч. К старому.

Эвальд открыл книжицу и ввёл данные в компьютер. Ага, мобильный телефон, телевизор и другой техники на пять позиций всего. Оформлено в разных магазинах.

«Похоже, кое-кто вовсе не иммунен к рекламе. Зато к здравому смыслу устойчивость отменная. И почему на этот раз деньгами, к чему нарушать традиции? Дальше... просрочил на три дня. Задержали зарплату? Да и зарплаты той...»

Клиент напряжённо выслушал несложные подсчёты и прогноз по повышению процента, неуверенно кивнул.

«Умирать, так с музыкой» – невесело вздохнул в уме и перевёл требуемую сумму на нужный счёт. Клиент сгрёб свой паспорт и несколько секунд смотрел на сотрудника, будто сомневаясь в правдивости происходящего. Затем резко встал, откланялся и вышел из кабинки.

– А кнопку забыл...

Скосился на маленькую точку в верхнем углу своей ка-
морки, затем выглянул за дверь. Последний взгляд – на де-
шёвые настенные часы.

«Ну всё, можно откидываться в кресле, доставать сигару
и закидывать ноги на стол. „Ноги на стол“, конечно, перебор.
Как и вальяжная поза на рабочем месте, впрочем. Вдруг ещё
кто сегодня в петлю залезть возжелает, а тут ба! – такое непо-
требство. И всё: выговор, пометка в личном деле (или, как
ещё говорят – жёлтая карточка), лишение премии, почётное
место на доске позора...»

Молодой человек посмотрел на видеокамеру снова, те-
перь снисходительно.

«А что, собственно, страшного? Было бы за что держатъ-
ся, ха! Но вот держаться всё же есть за что. Одно сло-
во – стабильность. Стабильность? Неужели лучше изо дня
в день терпеть, нежели решиться на перемены?» Задумав-
шись, Эвальд в который раз ответил себе: «Да, лучше. Новая
работа – это поиски, неудачные собеседования, столь нена-
вистные кабинеты, бесконечные резюме, и даже в лучшем
случае – снова период адаптации, смена коллектива и тд. А
вот и день закончился, можно покинуть это гиблое место. До
завтра. За ночь отвращение поутихнет, вернётся разве что к
обеду, а там и до вечера недалеко. И снова по кругу. Да и ка-
кое, собственно, отвращение? Так, лёгкая усталость от рuti-
ны. Слова одни нехорошие лезут... не рutiна, а стабильность
ведь! Стабильность это хорошо, я люблю стабильность».

За такими размышлениями Эвальд меньше обращал внимания на сильный колючий ветер и плотную стену снегопада. Даже фары встречных машин не так слепят, и воздух вроде как чище стал. Очертания прохожих и небоскрёбов смазываются, а зажигающиеся огни непонятно почему всегда греют душу.

А вот и знакомая неоновая вывеска над павильоном. Волна горячего воздуха приятно ударила в лицо, а букет ароматов пряностей, овощей и кондитерских изделий заставил невольно повести носом. Парень подобрался и наморщил лоб. До нужного прилавка всего пара шагов осталась, надо соображать быстрее. Приподняв одну бровь, окинул мясную выкладку и непринуждённо заявил:

– Мне, будьте добры, литр крови девственницы и половинку сердца. И посвежей.

Мужчина в белом фартуке за прилавком радостно гыкнул и пригрозил пальцем. Эвальд не был уверен, что его вечерний работодатель смеётся искренне. Нет, Араик половину своей жизни провёл в столице, язык прекрасно знает, и акцент не такой уж страшный. Но при общении с ним не покидало чувство, что понимает он в лучшем случае на две трети. Дурацкое чувство, иррациональное, никак от него не избавиться. И во время разговора взгляд постоянно прикован к лицу собеседника – понял ли? Может, повторить, аль говорить помедленней? И тут же вспомнился первый день в столице. Эвальд всю дорогу не мог отделаться от странной

мысли: а вдруг ТАМ разговаривают иначе? На каком-то другом русском, и его, провинциала, будут понимать с трудом.

Парень зашёл в техническое помещение, пахнущее свежей кровью, переоделся, достал из шкафчика личный инструмент и вернулся к прилавку. Хозяин похлопал работника по спине и ушёл к себе, к просмотру ящика. Эвальду это нравилось. Собственно, один из величайших плюсов вечерней подработки – начальник не стоит над душой, не смотрит в камеру. Ещё несколько плюсов: свежее мясо по себестоимости, а так же небольшой, но всё же приработок. Араик был из тех людей, кто, может, и накручивал слегка цену на продукцию, но не давал никаким паразитам из спецкомиссий повода придраться. Мясо возил из дальних областей, от проверенных хозяйственников, холодильники регулярно чистил. Поэтому и несвежего ничего не валялось – всё влёт уходило в руки постоянных и случайных покупателей. Это дело намного честней, чем работа в банке – тоже плюс. А ещё хозяин прилавка смеётся над шутками.

Подошёл первый покупатель.

– Мне два ребра, пожалуйста. Вот эти. На три части распилите.

Мясник вытянул на доску четвертинку, в которую мужчина ткнул пальцем, вставил лезвие меж позвонков и слегка надавил. Легкими движениями провёл идеальный разрез, оставляя равное количество мяса на разделённых костях.

– Вам шкурку отделить?

Покупатель отрицательно мотает головой, рассматривая птичьих потроха. Кредитор-мясник прицеливается и легонько ударяет по костям, оставляя небольшие насечки, затем ломает их и снова разрезает плотное мясо блестящей сталью. Мужчина придирчиво осматривает полученный свёрток, негодование на его лице стихает, и он протягивает карту для оплаты.

«Всегда так с новыми покупателями. Хотят, чтобы в разделке использовалась пила, вот же она, в край стола вмонтирована. Вы что, на электричестве вздумали экономить?! А ещё цены ломите, ни стыда, ни совести! Технику им подавай... кости ведь не крошились».

Разномастный люд подходил и помалу разбирал запасы с витрины. Эвальд с удовольствием разделявал птицу, свинину и говядину. Находил он это занятие крайне, крайне приятным. Всё равно что выстраивать сложную конструкцию – чем ровнее срез, тем больше душа радуется. Надо уметь спрятать кости, чтобы мяса визуальнее было. Почти что искусство.

Следующая покупательница вызвала лёгкое недоумение. Одетая почти по погоде: валенки, шаровары, вязаный шарф до пола и полупрозрачная майка под лёгкой джинсовой курточкой. По коротким чёрным волосам сползают тающие снежинки. Парень перевёл глаза с распахнутой джинсовки на покрасневшее лицо и широкие зрачки девушки. Сдержанно улыбнулся, давая понять, что слушает. Та не особо

торопилась. Сплетя руки за спиной, наклонилась к витрине, прошла из стороны в сторону несколько раз, затем ткнула пальцем в свиное копыто.

– А у тебя целые есть?

– Вам целая свинья нужна? – уточнил мясник.

– Ага.

«Так, сегодня был завоз? Араик ничего не говорил», – вслух же сказал:

– Уточню у хозяина.

– У тебя есть хозяин?

– У прилавка есть хозяин.

– Но ты же здесь работаешь?

– Да.

– Значит, он и твой хозяин тоже.

– Так мне узнать?

– Валяй, – благодушно кивнула девушка.

Парень скрылся за клеёнчатой шторой и постучал в дверь с большим восклицательным знаком. Хозяин вытянулся в кресле и, сомкнув пальцы на затылке, смотрел в монитор.

– Сегодня завоз был?

– А что, уже время? – встрепенувшись, Араик смахнул изображение и вывел часы на экран, – мясо закончилось?

– Нет, просто хотят купить целого.

– О-о! – вскочил и, довольнo потирая руки, вышел к прилавку. – Добрый вечер, девушка, вам побольше или поменьше? Есть молоденький поросёнок на тридцать пять кило,

красавчик просто, розовый и нежный. А есть здоровенный кабан, настоящий гигант! Кормили обоих только натуральным, никакой химии!

– Маленький подойдёт.

– Один момент! – счастливый, Араик бросился было к холодильной камере, но тут же вернулся. – А как будете забирать? Вы ведь на машине, да?

– А у вас разве доставки нет?

– Для вас – всё, что угодно! – широчайше улыбаясь покупательнице, хозяин прилавка утащил своего работника вглубь служебного помещения и вручил ключи, – Держи! Всё, что она даст за доставку – твоё. Хорошо? Машину можешь вернуть завтра, – добавил он после недолгой паузы.

Парень кивнул. Решил не отпираться, всё равно уговорит, не впервой. Так что лучше уж сразу согласиться и не портить репутацию хорошего работника. Пока проводилась оплата, упаковал тушку, закрепил на копытах пару грави-транспортёров и дотолкал до хозяйского «пирожка». Сам же старший мясник выскочил на улицу провожать покупательницу. Зонтом защищает от снега, собой прикрывает от ветра. Услужливо открыл дверь и усадил на пассажирское сиденье.

«Хорошо, что он такое с мужиками-покупателями не выкидывает, а то было бы совсем уж странно»

Сел за руль, пристегнулся и завёл мотор. Печка исправно нагоняла в салон тёплый воздух с ароматом экзотических фруктов и примесью чего-то бодрящего, отгоняющего сон и

заставляющего немного крепче сжимать руль.

– Какой адрес?

Девушка назвала.

«Ничего так! И как её сюда занесло? Ещё в таком-то наряде».

Благодаря позднему времени и непогоде, дорога была загружена меньше обычного. Эвальд свернул на подземное шоссе и прибавил скорость. Ему хотелось поскорей отделаться от навязанного задания и вернуться домой. Привычный распорядок дня, по приблизительным подсчётам, будет сбит часа на два. Бросил быстрый взгляд на пассажирку. Она до предела отодвинула сиденье, упёрлась коленом в «торпеду» и рассеяно покусывала ногти. От тепла салона лицо её покраснелось ещё больше, чем от мороза, тонкие черты лица слегка смягчились, сонные глаза с прищуром смотрели на сплошной бетонный массив стен тоннеля, проползающие мимо машины, яркие фонари, равномерно освещающие дорогу матовым светом. На секунду Эвальду показалось, что на расслабленном лице её промелькнуло нечто усталое, измученное. И причёска эта... не стрижка, а рубка топором. Стилль такой, небрежный?

Она обратила внимание на затянувшееся разглядывание, обернулась. Откинула спинку сиденья и подпёрла рукой лицо.

– Расскажи что-нибудь, молчаливый водила.

– О чём?

– А мне не всё равно? Расскажи.

– Араик, владелец лавки, возит мясо из Тамбовской области. Он очень гордится натуральным продуктом.

– Как интересно! – девушка заёрзала в сиденье и ещё немного повернулась корпусом к водителю.

– Например, этот поросёнок, которого вы купили – не совсем поросёнок. Порода такая. За полгода вырастает на убой, кормится в основном травой, немного зерновыми культурами, устойчива к болезням, поэтому нет нужды колоть или кормить таких свиней всякой химией.

– Ух ты, – она уже подняла руки, чтобы восторженно хлопнуть в ладошки, но маска с лица резко спала, и девушка снова откинулась на спинку сиденья, закинув руки за голову.

Эвальд сдержал улыбку, но почувствовал, что заигравшие скулы и невольно прищуренные глаза могут его выдать. Скосилась вправо. Нет, кажется, не заметила.

– Через пятьсот метров сверните направо, – известил голос навигатора.

Машина выехала из тоннеля, навстречу стихающему снегопаду. «Дворники» автоматически заработали, забегали из стороны в сторону: трунь-трунь, трунь-трунь. Дома в этом районе были в основном девяти этажей, узкие улочки забиты заваленными снегом автомобилями. Ни о какой оперативности уборки зимних осадков и речи не шло. Белый покров резко контрастировал с обтёртыми дверями подъездов, кривыми перилами крылец, шатающимися фигурами людей,

матовыми от грязи окон с непривычным – жёлтым, а не белым – светом ламп.

– Вы прибыли в пункт назначения, – наконец выдал навигатор.

Застегнув куртку и натянув шапку, Эвальд ещё раз посмотрел на чёрный зев подъезда. Дверь носило ветром, время от времени она глухо хлопала о раму и, подрагивая, отъезжала обратно, поднимая с земли снежные вихорки. Противный скрип петель перекрывал тихое урчание мотора, словно пробивал лобовое стекло и впускал в салон мороз. Идти туда? В голове парня промелькнула череда возможных финалов, крайне невесёлых. Но то, что девушка расплатилась картой, немного успокоило: в случае чего – найдут. И не важно, что холодно тело без органов...

«Да ладно тебе, как дитё малое» – парень вышел из машины и вытянул тушу. Затолкал в подъезд, остановился у лифта, под тусклой лампочкой, висящей на ободранном кабеле. Кнопка вызова откликнулась на нажатие, но моментально потухла.

– Не работает, – коротко прокомментировала девушка и пошла по лестнице.

Эвальд подкрутил тумблеры на грави-транспортёре и пошёл следом. Изнутри многоэтажка выглядела ещё неприглядней: похабные надписи на стенах, опалённые спичками потолки, сваленные кучи мусора, которые кто-то поленился закинуть в мусоропровод. На высоких поддонниках – целые

батареи из полупустых бутылок, с плавающими в них бычками сигарет.

Подниматься пришлось на самый верхний этаж. Как только груз оказался за порогом, индикатор заряда мигнул в последний раз и погас совсем, и парень едва успел подхватить тушу, чтобы та не грохнулась на пол.

– Куда отнести?

– На балкон, – девушка небрежно махнула рукой и принялась стягивать валенки.

Он пошёл на кухню и растерянно закрутил головой: вся мебель сдвинута в кучу, но при этом не создавалось впечатления бардака. Стол, холодильник, плита с пуповиной газопровода из стены, шкафчики – всё плотно подогнано друг к дружке, и при желании и нужной сноровке до всего нужного вроде бы можно дотянуться. Лишь раковина стояла на своём месте. Но больше всего удивлял затеянный ремонт, точнее, раскраска стен и потолка. Сплошное нагромождение психоделического бреда – иначе не обозначить. Сказочные твари в биомеханическом стиле на фоне космоса, бесхозные глаза с крыльями и другие запчасти людей и животных. Дома, горы, солнце, поля, техника, оружие, кондитерские изделия, кровавые водопады – всё смешано в непонятную кашу, раскидано по известному одному лишь автору принципу. Больше остального выделялся чёрный силуэт человека в полный рост. Руки на уровне груди с выставленными вперёд ладонями, слегка вытянутые ступни – будто отжимается на руках

изнутри стены. И лежит этот монохромное графаретное творение поверх всего остального. Если некоторые участники фрески-головоломки умудрялись взаимодействовать, то силуэт человека нагло перекрывал собой хвост дракона, участок звёздного неба и какую-то красную кляксу.

– Ну, чего завис?

«Справедливо».

Эвальд слегка смутился и вынес тушу на пустой незастеклённый балкон, снял транспортёры и сунул в карман. Ожидаемого пейзажа-панорамы ночного города не увидел. Редкие огни фонарных столбов, вразнобой стоящие дома. Несмотря на погоду, откуда-то издалека доносилось нетрезвое гнусавое пение под аккомпанемент гитары. Эвальд положил ношу в кучу снега, отряхнул обувь и вернулся на кухню.

– Жрать будешь? – хозяйка квартиры разлила по кружкам кипяток и высыпала на клеёнку стола ассорти из конфет, сушек и печенья.

«Уже поздновато, а если сейчас перекушу, то можно дома не готовить. И.. не стоит, наверное, из вежливости первый раз отказываться. Уговаривать не станет».

– Буду.

– Садись.

Сел. Чай без каких-либо ароматических добавок. И даже без добавок сахара. Эвальд ел печенье и запивал обжигающим напитком. Девушка делала то же самое. Оба смотрели друга на друга. Опять? Парню показалось, что на тонком ли-

це девушки вновь промелькнула тень, отчего оно на миг показалось мертвенно усталым, вкрай измученным.

– И как тебя зовут, молчаливый водила? – он назвался, девушка деланно подозрительно подняла бровь, – чего? Игровой ник, чтоль? За эльфов рубишься?

– Нет, не эльф. Немец.

– Если немец, то почему не Ганс или Карл?

– Родители мои – протестанты. Сохранение традиции.

Девушка дёрнула плечами.

– И это что-то объясняет?

– Не знаю.

Она разочарованно вздохнула и хотела откинуться на спинку стула, но вовремя вспомнила, что сидит на табурете.

– Красивый ты, только скучный. Сок хочешь? – достала из холодильника пакет и протянула гостю, – из горла пей, если не брезгливый.

Эвальд брезгливым не был. Отпил немного тёплого сока.

«Ну да, холодильник-то не запитан...»

Парень расслабился и облокотился на шаткий стол. Накатила лёгкая усталость и сонливость. Так, не очень сильно накатила, но за руль лучше в таком состоянии не садиться. Спуститься вниз, отогнать машину в какую-нибудь подворотню и вздремнуть пару часиков.

Дракон на стене повернул голову, по чешуйкам шеи пробежала перекатывающаяся волна. Вертикальный зрачок уставился на гостя квартиры, несколько раз моргнул и отвер-

нулся. Змей поплыл по стене, но резко остановился. Зажатый неподвижной фигурой хвост не пускал дальше. Дракон заметался, рванул в противоположную сторону, но, наткнувшись на роковой трафарет, тут же застрял в нём ещё и лапой, затем крылом. Чёрное поглощало всё, что до него дотрагивалось, растворяло в себе, но при этом оставалось таким же неподвижным. Слишком неподвижным. До предела напряжённым, как в постановке, где нужно изобразить неодушевлённый предмет, но всё же знаешь – придёт время, и он точно сойдёт с места. Вся стена пришла в движение, ожила, и всё без исключения пыталось держаться как можно дальше от силуэта и умирающего змея.

Девушка забрала из рук Эвальда пакет и сказала:
– А я Ира.

Эвальд резко сел на кровати. Только что спал – и вот уже нет, в голове роем кружат мысли, а кожа на голом торсе покрылась крупными мурашками от морозного сквозняка. В открытую дверь робко заглядывал свет, горящий в другой комнате. Парень сжал зубы и, стараясь не скрипеть, слез с кровати. Ощупал джинсы – мелочь, ключи от дома, какой-то бумажный мусор – всё на месте. На цыпочках подошёл к двери и...

– Чего не спишь? – поинтересовался из кухни знакомый уже голос.

Выйдя на свет, Эвальд обнаружил, что верхняя часть его

тела измазана разноцветными красками. Встал в дверях, прислонился к косяку. Мебель уже была на своих местах. За столом в центре комнаты сидела к нему спиной Ира, с подбритой головой, всё в той же джинсовой курточке и шароварах. Ветер врывался в приоткрытую дверь балкона и трепал лёгкую занавеску. Особо сильные его порывы замечали на линолеум снег и дотягивались до сбритых волос девушки, которые теперь красовались на пятаке привезённой накануне свиньи. Та сидела за столом с чашкой чая меж копыт, морда уставлена в потолок, из выпотрошенного брюха торчат новогодние гирлянды, на толстую шею намотан тот самый длинный шарф, а вся кожа выкрашена, наподобие самого Эвальда.

– С чем компот? – непринуждённо поинтересовался парень.

– С кубинскими марками.

– Ясно...

«Чёрт, неужели не отпустило ещё? Хорошо, что всё на месте...» – встрепенулся, схватился рукой за поясницу – да, всё на месте.

Девушка ногой выдвинула из-под стола табурет.

– Садись.

Предварительно закрыв дверь на балкон, парень принял предложение и сел.

«Не, всё же отпустило, иначе бы свинья заговорила или хотя бы повернула голову» – забрал у хрюши чашку и от-

хлебнул остывший терпкий чай. Теперь при взгляде на девушку не оставалось никаких сомнений – не показалось, ни тогда, ни сейчас. Лицо осунулось, выступили широкие мешки под глазами, уголки губ опущены, веки устало прикрыты. На голом виске застыла капля крови от пореза.

– Будешь? – Ира протянула гостю папиросу.

– Не курю.

– Отчего же? – изумлённо-разочарованно поинтересовалась девушка, – вера не позволяет?

– Жадность. Не имею привычки платить за то, что меня убивает.

– Ты, наверно, и не пьёшь тоже? – в голосе прозвучало практически искреннее сочувствие.

– Почему же? Воду, молоко, сок.

– Сок? – встрепенулась девушка, – хочешь сок?

Эвальд поиргал нижней челюстью.

– Можно воспользоваться ванной?

– Валяй.

Смыв с себя порошкообразную краску, парень насухо вытерся и пошёл в комнату, искать свои вещи. Полностью одевшись и обувшись, ещё раз проверил – всё ли в карманах на месте? Зашёл на кухню попрощаться.

– Удачного... утра.

– Угу.

– Я пойду.

– Вали, фриц.

Трусцой сбегая по лестничным пролётам, Эвальд всё старался привести в порядок мысли.

«Что это вообще было? Допустим, накачала. Зачем? Деньги на месте, органы – тьфу-тьфу – тоже. Раздела, накрасила... и рисунки на стенах, свинья эта за столом... художница? Наглоталась кислоты и решила устроить инсталляцию? Похоже на правду. Ладно, Бог с ним, с искусством, надо ещё машину отогнать к торговому центру и на работу ехать».

Спустившись до второго этажа, невольно сбавил шаг. Под тускло горящей лампочкой стоял какой-то тип в дутой куртке с накинутым на голову капюшоном. Смотрит не на лифт, не на двери, а именно на ведущую вверх лестницу.

«Ждёт кого-то, в такой-то час? Гоп?» – вынул руки из карманов и, стараясь не упустить и малейшего движения любителя постоять ночью в коридоре, прошёл мимо. Всё же смог разглядеть, что тип под капюшоном не очень-то похож на рецидивиста: лет тридцати, худощавое, но здоровое лицо, без характерных признаков злоупотребления алкоголем или другой отравой. Взгляд отстранённый, на мгновение даже показался таким же, как у странной девушки, от которой Эвальд только что вышел, но этот взгляд точно не предвещал нападения.

«Ну и ладно, просто ещё один чудак» – мысленно пожал плечами немец, выходя на улицу. Метель продолжалась, «пирожок» порядком занесло, но снег не успел слежаться, и стоило тронуться с места, как пушистая белая шапка слетела

сама.

Глава I. Серость

Дюк

Дневник памяти, день 3***.

Сегодня я снова почувствовал дыхание смерти. Это была отнюдь не сырость земли, на которой я лежал, и не молочный туман, что стелился над долиной. Её присутствие я всегда узнаю.

По пробуждении услышал противный шелест, будто кто-то неторопливо, пытаясь досадить, разворачивает леденец, разминает обёртку пальцами, и непременно смотрит на реакцию окружающих со смесью вызова и невозмутимости. Я лежал на каменистом склоне, а внизу вразнобой валялись люди. От них к небу медленно вздымался пар. Некоторые уже настолько разложились, что от останков то и дело отрывались целые куски и улетали вверх, становясь частью бесформенного облака.

Сутулая долговязая фигура ходила меж трупов, ловила тонкими руками вздымающиеся к небу обломки тел и отправляла их в наплечную суму из коричневой кожи. В такие моменты собиратель казался странной птицей, что расправила одно крыло. На его бледном лице, больше походившем на череп, обтянутый тонкой кожей, можно было различить детское любопытство каждый раз, когда он наклонялся, отламывал от разлагающихся тел небольшие куски, обнюхивал и осматривал их со всех сторон. Когда собиратель подходил к очередному трупу, от того врассыпную разбежались падальщики. При этом они недовольно присвистывали, а их тела дрожали крупной дрожью. После того, как собиратель

удалялся, падальщики возвращались к своей добыче, накрывали тело и с шелестом впивались в испаряющиеся останки.

Фигура в чёрном балахоне с широкими разорванными рукавами ходила меж моих бывших спутников и постепенно поднималась по склону. Что-то хрустнуло совсем рядом, и только сейчас я заметил трёх падальщиков, деливших мою правую ногу. Один из них, обнявший бедро, перестал шелестеть, встал на дыбы, обнажив пористое грязно-жёлтое брюхо и, недовольно свистнув, отплыл куда-то в сторону. Его братья встрепенулись, спланировали следом. Собиратель подошёл вплотную и склонился надо мной. Бесцеремонно отломал от облюбованной ноги. Тут наши взгляды встретились. Большие круглые глаза сущности сменили цвет с зелёного на бледно-жёлтый, тонкие губы вытянулись в нитку. Ноздри на маленьком впалом носу раздулись, а под балахоном заметно начала вздыматься и опускаться широкая грудная клетка. Собиратель вытянул руку и выронил на землю плоть, затем попятился, скорчил обиженную гримасу и медленно растаял в воздухе.

Падальщик спланировал мне на грудь, задев мягким склизким боком подбородок. Я заёрзал лопатками, не обращая внимания на впившийся камень и растекающуюся по всей спине немую боль. Тварь начала подрагивать, его передние плавники слегка загнулись, готовые в любой момент поймать поток воздуха и улизнуть.

Моих усилий оказалось достаточно, тварь с противным

свистом отлетела куда-то в сторону. Я оставил попытки согнуть руку в локте. Сдвинул плечи, ещё раз, и ещё, возвращая телу чувствительность. Нарастающая волна невыносимой жгучей боли накрыла с головой. Дыхание спёрло, по лицу ручьями потекли невольные слёзы. Я орал вновь прорезавшимся голосом, облегчая боль, когда вдруг надо мной склонился человек. Я замолчал и уставился на него. Это был мужчина, лет тридцати, но какой-то щуплый. И чистый. И ещё в очках. Он что-то причитал, говорил, что меня надо в больницу отвезти, но его автомобиль далеко и не заводится, и всё в этом духе. Чуть не разрыдался.

Когда он вернулся, я сказал ему оттащить меня ниже, на ровное место. Это он сделал. Когда же я попросил помочь, укрыть меня камнями, он снова чуть не разрыдался, уверял, что всё будет хорошо, что он приведёт помощь, что я не умру. Его сопли начали меня раздражать, и я, насколько позволял ослабший голос, наорал на него. Это помогло, парень хоть и жутко медленно, но всё же выложил из камней, травы и земли курган. Дойдя до головы, он остановился, и прежде, чем его снова свезло на мокрое, я сказал, что достаточно. Стало немного легче, я вернул себе полный контроль над телом, но не стал спешить и вылезать из-под одеяла. Настроение резко улучшилось, я даже решил поблагодарить парня. Ах да, надо бы его и успокоить, ещё свихнётся с непривычки, пополнив ряды Блуждающих. С новичками такое бывает часто. А я ему как бы обязан.

Как и полагается в таком случае, он начал расспрашивать о всяком. Я не стал отвечать, чтобы не спровоцировать ещё больше глупых вопросов, недоверия, истеричного смеха. Достаточно того, что он немного успокоился, со временем сам всё поймёт. Люди вообще странные. Полёт мысли невозможно остановить, в голову приходят самые дикие и невозможные варианты. Но стоит их озвучить, как случается какое-то чудо – человек вдруг тупеет, начинает отрицать очевидное. Поэтому я лучше помолчу. Это куда эффективней, давно убедился.

Полностью оправившись, встал. Нога больше не выглядела так паршиво, так что терять время не стал. Я спросил парня, как его зовут. Валентин. Не давая Валентину возможности задавать вопросы, дал поручение собрать любое оружие, какое сможет найти. Сам же обыскал карманы и сумки. Странно, но ничего ценного не нашёл, кроме своего собственного рюкзака. Валентин свалил все мечи, луки и арбалеты в одну большую кучу. Я выбрал то, что получше, снял с одного из трупов рубашку и связал оружие, чтобы парень смог нести его на плече. Он ещё какое-то время что-то бубнил себе под нос, потом умолк.

Валентин

Он просто лежал, похожий на труп, и лишь благодаря тому, что его глаза изредка моргали, я понимал, что он ещё

жив. Наконец он слегка повернул голову и сказал таким же спокойным голосом:

– Спасибо. – Погодя немного он добавил, – Это мне помогает. Лечит. Так что не волнуйся.

Бред какой-то.

– Где мы?

Он промолчал.

– Что тут вообще происходит?

– О чём ты конкретно?

– Что это вообще? Это муляжи? Какой-то розыгрыш?

– Ты про них? – человек мотнул головой на мертвецов, – они настоящие. Были. А теперь мёртвые.

– Что с ними?

– Разлагаются. ТУТ они так разлагаются.

– Тут? Где тут?

Он снова проигнорировал мой вопрос. Ух, ладно, рано или поздно попросит меня отнести его к людям, а пока просто постараюсь не свихнуться. Очень сильно постараюсь.

Молчание гнетёт. Какой-то противный треск то и дело разрывает тишину над долиной, как оказалось, его издают эти скользкие на вид твари, левитирующие от трупа к трупу. Отвернулся, чтобы не смотреть на них. Лучше бы я пошёл в другую сторону. Лучше бы я сегодня остался дома. Лучше бы не соглашался подменять никого на выходных. Лучше бы... Остановился подремать на обочине, блин.

– Дай руку.

Я вздрогнул и посмотрел на курган. Незнакомец расковырял землю и просунул кисть. Чёрт, однажды я уже был у смертного одра другого человека, так же само сжимал слабую и холодную руку. Сейчас начнёт говорить странные вещи, прощаться или просить кому-то что-то передать. Внутри всё сжалось, я вдруг представил, как страшно будет вновь оказаться одному в этом чужом краю. И он сказал это самое, «странное».

– Помоги встать.

– Что?

– Встать помоги. Тяни.

От растерянности не решаюсь противоречить, встаю и тяну его на себя. Человек освободил вторую руку, стал разгребать землю, и в конце концов твёрдо встал на ноги.

– Ну, мы уже поручкались. Я Дюк. Айда мародёрить?

Дюк

Дневник памяти, день 3***.

За вчера и сегодня не сделал ни одной пометки. С одной стороны это хорошо, за один раз карта расширяется на очень, очень большую территорию. С другой, я не знаю, по какому принципу она рисуется – в форме округлой области или аморфного пятна. По-прежнему держу курс на Ветра. Переходить, пожалуй, не буду. Сверну и пойду в сторону Реки, а там видно будет.

Виреска

Это будет самый счастливый день в моей жизни! Знаю, что результаты могут выложить не сегодня, может даже не на этой неделе. Что же, в таком случае, это будет череда самых счастливых дней, это радостное томление ни в коем случае не покинет меня.

Долго лежала, пялясь в потолок. Через стенку было слышно, как на кухне отец звенит посудой, собираясь на работу. Настенные часы монотонно тикали. Давно висят, и ведь без надобности, а снять нельзя. Какое маме дело до того, что у меня на стене висит или не висит? Так ведь нет, регулярно батарейки меняет. Смешно. Ну вот, кажется, ушёл. Подождать ещё немного... снова открылась и захлопнулась входная дверь, дважды повернулся в замке ключ. Теперь можно спокойно вставать. Всё же – слишком рано садиться к компьютеру, так что решила подождать до полудня, чтобы уж наверняка. Искупалась, почистила клетку Лолы, даже навела порядок в планшете, одно это – великий подвиг. И всё же я слишком быстро переделала всё запланированное, а ведь и десяти ещё нет. Если проверю сейчас, то не удержусь, останусь сидеть у монитора и обновлять страницу каждые несколько минут. Ну и ладно. Беру Лолу и сажаю на плечо. Она упирается холодными лапами в шею и свешивает хвост вдоль моей спины. Слегка склонив голову, чтобы ненароком

не спихнуть питомца на пол, осторожно сажусь в кресло. Когда я наклоняюсь к системному блоку, Лола смешно перебирает лапками и щекочет шею. Ничего, если я буду сидеть неподвижно, она рано или поздно уляжется.

Монитор загорается та-а-ак медленно... терпение! Ещё минуту на то, чтобы объявился список доступных сетей. Подключение... набираю адрес, перехожу к списку поступивших. Перелистывать не приходится, моя фамилия в первых десятках. Несколько раз перечитываю – вдруг просто ФИО похожи? – с облегчением выдыхаю и откидываюсь на спинку кресла. Бережно обнимаю Лолу, как партнёра в танце и, больше не в силах сдерживаться, пускаюсь в пляс. Выкусите все те, кто говорил, что у меня ничего не выйдет! Не просто бюджетное место, да ещё и с хорошей стипендией!

Лола не разделяет и не понимает моего веселья, с ленточкой поочерёдно моргает глазами и смотрит не на меня, а вообще куда-то в сторону. Муху заметила... о чём это я? Сегодня весь день праздную! Зайду в кондитерку, возьму самое вкусное мороженое и моих любимых кексов с черникой. Соблазнительней всего вернуться со всем этим добром и засесть в какой-нибудь бродилке или головоломке. Хотя можно прогуляться к полям, раздобыть вкусностей и для Лолы.

Сажаю её обратно в клетку, быстро одеваюсь в комплект «антикомар», хватаю тревожный рюкзак и, не дожидаясь лифта, бегу по пролётам. Чудом избежав столкновения с одним из многочисленных соседей, набравшимся спозаранку,

пулей вылетаю из подъезда.

Дождь прекратился три дня назад, но с нашими дорогами нечего удивляться глубоким лужам. На жаре дно успело покрыться зеленоватой тиной. В особо глубоких и мутных лужах его не видно вовсе, а зелёная кайма придаёт загадочности. В таких даже Водяные должны водиться.

Не самая моя любимая погода. В дождь, правда, кузнечиков особо не наловишь. Солнце как-то слишком усердно светит, отрабатывает за все дождливые и туманные дни. Забыла взять очки с затемнёнными стёклами, но возвращение убьёт процентов десять хорошего настроения.

Вышла к перекрёстку и свернула направо. Перейду дорогу дальше, с этой стройкой никакой жизни нет. То стоит несколько недель кряду, то в самый неудачный момент сгоняется сюда куча народа, и грохот стоит до самых окраин города. Крыша павильона уже достроена, но сборка дороги – не менее шумный процесс. Визжат пилы, чихают генераторы, скрипят тросы, электроды шкварчат и поливают всё вокруг искрами, тяжёлые механические молоты забивают сваи, трещат пневмоключи. Время от времени едва разборчивый отборный, колерованный сапожный мат из мегафона перекрывает всю эту симфонию. Остаётся только достать из рюкзака пластиковый контейнер и добавить немного ритма.

Начинающий смолкать шум привлёк внимание. Голос из громкоговорителя довольно разборчиво прокричал несколько раз к ряду «Проба! Проба! Прекратить работы и отойти из

зоны тестирования! Проба! Проба! Всем уйти из зоны запуска! Проба...». Люди высыпали наружу, встали у периметра стройки, лязгнул участок подвижной дороги. Отсюда трудно было разобрать, насколько быстро движется часть механизма новой машины для транспортировки людей. Воздух загудел от напряжения, кто-то пронзительно завизжал нечеловеческим голосом:

– Бойся!!!

Я ничего не поняла, когда все строители рухнули на землю, прикрывая головы руками. Лента подвижной дороги порвалась, извиваясь змеёй, метнулась из стороны в сторону, полетела по направлению движения полотна, сминая, как бумагу, защитный каркас. Что-то больно ударило меня по руке, затем сразу же по касательной чиркнуло по виску. В глазах засверкало, я почувствовала, что теряю равновесие, наугад выставила руки и удачно приземлилась на четвереньки. Утихомирив тошноту и несколько раз глубоко вздохнув, я открыла глаза, чтобы определить, куда сейчас побежать, где укрыться. Очки упали с меня, начинаю шарить по тротуару. Только... это вовсе не тротуар. Камни, мелкая трава, пыль. Очертания окружающего мира расплылись, город показался вдруг каким-то серым бесформенным пятном. И слишком тихо вдруг стало. Мысль о контузии, из-за которой я вижу мир, как ретро фотографию плохого качества и ничего не слышу, почему-то ничуть не испугала меня. Только промелькнуло в голове, что лечение-то дороговатым будет, да и

к началу учебного года могу не поправиться. Досада...

Наконец нащупываю очки и поскорей цепляю на нос. Города не стало. Дома, машины, дороги, люди – всё сменилось незнакомым пейзажем каменистой равнины в серых тонах. Бред какой-то. Я что, умерла? Попала в другое измерение? Или просто лежу сейчас на тротуаре без сознания, и это всё мне снится? Немного страшно. Точнее – страшно интересно. На секунду даже холодею от мысли, что сейчас проснусь, видение рассеется, а я так и не исследую эту загадочную территорию.

Встаю на ноги, осматриваюсь. Куда ни глянь – всё та же степь. Провожу пальцами по раненному виску – кровь как-то быстро запеклась. Не удерживаюсь и отдираю корку – она с треском ломается, и у меня в руке оказывается вовсе не то, что я ожидала увидеть. На сукровицу разве что цветом немного похоже. Кварц? Довольно легко раскрошилось в руке, а осколки, вместо того, чтобы упасть на землю, растворились в воздухе и лёгкой дымкой поплыли вверх. Закатываю рукав мастерки – так и есть, в месте ушиба кожа затвердела и стала прозрачной настолько, что можно различить капилляры, корни волос, волокна мышц.

– Э-э-э-эй!

Поднимаю голову на окрик, но человек слишком далеко, вижу лишь очертание силуэта. Или их двое?

Дюк

Дневник памяти, день 3***.

Сегодня повезло узнать об одном немаловажном свойстве карты. Я бы даже сказал, что именно это свойство для многих может иметь большую ценность, чем непосредственное назначение карты.

Как раз в тот момент, когда проверял рисунок, на карте появилось пятно, чернила на участке пергамента просто исчезли. Это было совсем рядом со мной, к тому же на пути следования, так что вскоре я наткнулся на девочку, только что прибывшую. За умение локализовать провалы многие готовы убить.

Девочка оказалась не такой дёрганной, как Валентин, не задавала раздражающих стандартных вопросов.

Ближе к вечеру наткнулся ещё на пятерых. Четверо мужчин, трое из которых провалились одновременно, к тому же оказались друзьями, и женщина. Всю болтовню спихнул на Валентина и стало приятно от одной мысли о том, чего я избежал. А к этому легко привыкнуть. Может даже не стану скидывать паренька в ближайшем городе, как задумывал.

Дневник памяти, день 3***.

Виреска оказалась вовсе не заторможенной, как я подумал сначала, а просто сдержанной. Держится рядом, вопросов по-прежнему не задаёт, молчит всё время. Как бальзам на душу – и человек рядом, и не раздражает. Редкость. Посмотрю, как она будет переносить настоящие трудности, предло-

жу ей работу.

Дневник памяти, день 3***.

Карта закончилась, а новая пометка расширила её совсем немного. Эти трое оказались весьма утомительны. Значит, Ветра.

Валентин

Настроение хуже некуда. Идём уже чёрт знает какой день подряд по неменяющейся серой равнине. Сухая трава, чахлый кустарник, ободранные одинокие деревья, и везде камни-камни-камни. Серый цвет уже в печени сидит. Дюк говорит, в соседних секторах всё иначе. Хотя он не использует термина «сектор». Да и вообще он никак не обозначает этот край. Просто говорит: «Далеко на западе растут зелёные деревья. Если пройти по нужной тропе, и если повезёт, то тропа выведет именно туда». Не просто не обозначает – всячески протестует против этого. Как он определяет запад – для меня тоже загадка. Не видно даже никаких очертаний солнца. Компаса у нашего странного поводыря я не заметил, как он вообще запад определил, а? Кстати, никакого названия этому месту он тоже не даёт, Тут. Просто тут. Попытки выудить комментарии игнорирует. Молча выслушает, и в лучшем случае просто развернётся и пойдёт дальше, но может и посмотреть, будто на малохольного, криво усмехнуться и... так же проигнорировать.

К концу дня пейзаж изменился. Как-то незаметно равнина сменилась очень жиденьким лесом, а далеко впереди в небо упёрлись несколько горных вершин с шапками снегов. Виреска всё время держится рядом с ним. Они постоянно о чём-то разговаривают. Нет, первое время каждый лез с расспросами к единственному человеку, который хоть немного понимает, что тут происходит. Но после обмена парочкой-другой фраз все жаждущие эксклюзивной информации вынуждены были отступить и начать приставать ко мне. А вот с Виреской общий язык нашёл. Со стороны не понять о чём говорят – у неё лицо внимательно-любопытное, каждое слово ловит. А у Дюка лишь изредка на лице можно ухмылку заметить, а вообще, как всегда постная физиономия. Хоть это радует. Значит, не подбивает к ней клинья. Так, стоп, а чего это меня вообще должно волновать?

– Эх, сейчас бы баньку, а то грязный, как чёрт. А потом картохи жареной навернуть, и на перинку завалиться. И чтоб кот рядом пристроился. Был у меня котяра – что ягнёнок. Мохнатый, мя-я-я-яжки-и-й. Придёт ночью, уляжется на ногу и засыпать сразу легче. А ещё как заведёт мотор, на всю комнату урчит – лучше любой колыбельной.

Время от времени поворачиваю голову, коротко киваю и угукаю. Сева трещит про свою дачу, грядки, скучную работу с перекладыванием бумажек, но больше всего – про любимого кота невообразимого размера, невероятной пушистости и ласковости. Чёрт, да за неделю, что он с нами, я уже наизусть

знаю все его реплики. Больше раздражает не сама трескотня, а её неоригинальность. Одно и то же, те же фразы-штампы. Из вежливости делаю вид, что слушаю. Да кто знает, может это он так долго от шока отходит?

– Так хоть веселей, да, Валёк? – Сева, не прекращая чесать тыльную сторону левого предплечья, толкнул меня в бок локтём и мотнул головой, обводя окрестность заросшим подбородком, – если дальше ещё гуще пойдёт, стоит держаться поближе к нашему Сусанину. Ты как?

– Ага.

Смысл в его словах есть. Хоть идём мы одной группой, Дюк всегда на полсотни шагов впереди. Изредка ненадолго останавливается, но не даёт себя догнать. Да никто и не рвётся. Ведёт и ведёт.

Я продолжаю кивать и отвечать невпопад, но Севу, кажется, это не особо-то и расстраивает. А смотрю я на нашего проводника. Что-то странное добавилось к его поведению. Через каждые два-три шага наклоняется, затем выпрямляется и скидывает вверх руку. Прибавил шаг и понял, что он подбрасывает в небо камни. Виреска продолжает идти рядом с Дюком, и даже вверх не смотрит. Иногда камни отскакивают от веток и падают совсем рядом с ней. Захотелось догнать и отвести её в сторону, но моё внимание привлёк очередной небрежно подброшенный камень. Дойдя до невидимой отметки, он резко замедлился, будто в воду вошёл. Очень медленно поднялся ещё метра на полтора, на какое-то время за-

стыл, затем так же медленно полетел обратно. Вновь пройдя невидимую границу, вернул себе обычную скорость. Я удивлённо провожал взглядом камень, а когда тот приземлился, с ещё большим удивлением уставился на нашего проводника. Он присел, потянул за рукав Виреску и замахал нам руками, призывая сделать то же самое и поскорее его догнать. Я завертел головой, но не заметил ничего подозрительного. Дюк замахал руками ещё яростней. Делать нечего. Я первый пригнулся и побежал.

– Чего это наш Сусанин удумал? – Сева пыхтел где-то сбоку, не желая отставать, – партизан из нас тренирует? Стар для этого, ох стар. И не для того я себе пивное пузо отращивал, чтобы по земле его волочить.

Дюк дождался, пока все остановятся возле него, и дал не вполне понятные указания.

– Все садитесь, обопритесь на что-нибудь. Кому удобно – может лечь. Не шевелитесь. Не думайте. Чтобы ни услышали или увидели – игнорируйте. Валентин, дай верёвку.

На второй день моего тут пребывания и знакомства с Дюком, мы наткнулись на поле серой ползучей лозы. Дюк сплёл на скорую руку пятиметровую верёвку. Её, как и многое снятое с трупов, поручил нести мне. Тогда я был под впечатлением от переселения, а вот сейчас меня начинает напрягать роль тягловой лошадки. Скинул с плеча верёвку, бросил проводнику.

Я сел у ближайшего деревца, прислонился к нему плечом

и вытянул ноги. Сева лишь пожал плечами, с кряхтением уселся в позу султана и всем видом дал понять, что ждёт того самого «нечто страшного». Лариса, как всегда, молчала. Гена довольно громко, ни к кому не обращаясь, сказал, что объявить привал можно было бы и по-человечески, без паники. Затем немного тише, и опять же достаточно громко, троица стала выказывать своё недовольство. Суть сего недовольства сводилась к тому, что «нечего кое-кому командовать и ничего не объяснять». Повезло им. Не в плане вообще попасть сюда, а повезло попасть сюда втроём. Стадные животные должны держаться вместе.

Дальнейшие действия нашего проводника меня, мягко говоря, насторожили, а гопов привели в дикий восторг. Дюк торопливо и очень плотно приматывал Виреску к дереву.

– Давно пора, братишка!

– Решился, наконец?

– Чур, я следующий!

– Лариску до кучи вяжи, веселей будет.

– Ага, смотри вон, хмурная напостой.

Лариса затравленно смотрела на гопов, готовая то ли разрыдаться, то ли сорваться с места и убежать. У меня в животе нехорошо зашевелилось. На спине висит связка клинков, можно было бы достать один. Но что дальше? Пригрозить? А толку? Рубить головы за наглость и плохое воспитание тоже как-то не то. К счастью, вмешался Дюк.

– А ну заткнулись, бандерлоги! Сейчас накроет, и чтоб

сидели все ровно на пятой точке.

Бандерлоги притихли. Дюк обвёл их тяжёлым взглядом и обратился к Виреске:

– Нормально?

По её виду нельзя было сказать, что она взволнована. Пошевелила плечами, проверяя надёжность узлов, сдержанно кивнула. Дюк в ответ одобрительно кивнул и перебрался к дереву, у которого сел я.

– Вот-вот начнётся. Но ты не бойсь, я рядом.

Ответить я не успел. Нет, открыл рот, и, кажется, начал даже что-то говорить, но кто-то прикрутил громкость. Воздух загустел, и то ли от наступившей тишины, то ли от невидимого обруча, что сдавил мою голову, тонко зазвенело в ушах.

Меня схватили за правую руку и куда-то потянули. Я отлепился от дерева, оно нехотя, с чавканьем отпустило меня. Очень сильно захотелось спать, прилечь на эту гостеприимную, мягкую и такую родную землю и лежать ...

Хлёсткая пощёчина вернула к реальности. Только теперь понял, что после последних слов Дюка я на какое-то время перестал воспринимать происходящее вокруг.

Затуманенными глазами посмотрел на встающего с корточек Дюка. Виреска сматывала верёвку. Гена вместе со своими корешами метался вокруг проводника и, размахивая руками, что-то кричал. Понадобилось несколько секунд, чтобы унять шум в ушах и плывущее в глазах изображение.

– Ты, козлина, говори, как домой попасть

– Никак.

Степан повернулся ко мне, дёрнул за рукав Гену и Рому. Гена скосился на проводника, затем резво подскочил ко мне и коротким тычком ударил по левой скуле. Боли я не почувствовал, лишь толчок. Я всё ещё не понимал, что происходит, и когда с меня сняли связку мечей, снова сел и продолжил смотреть. Троица вооружилась и наставила клинки на Дюка. Он лениво встал, повернулся к ним лицом и скрестил руки на груди. Усталым скучающим голосом поинтересовался:

– И что же вам надо?

– Отвечай, как домой попасть.

– Я уже сказал: никак.

– Врёшь, падла!

– По-твоему, я тут добровольно?

Скептически-насмешливый тон разозлил Гену, он замахнулся, но застыл с поднятым мечом.

– Говори!

– Спрашивай.

– Тут ещё люди есть?

– Есть.

– Где?

– В разных местах.

– Где?!!

– Есть там, – Дюк указал себе за спину, – а есть и там, от-

куда мы пришли. Куда ни пойдёшь, рано или поздно наткнёшься.

– Ну всё, мы пойдём сами, и только попробуй нас остановить. И оружие мы с собой заберём.

– Да на здоровье.

Троица после недолгого промедления попятилась, бросая недобрые взгляды на оставшихся.

Дюк поставил меня на ноги и заново перевязал связку, оставив один меч с ножами в стороне, после чего закинул её мне через плечо. Помахал у меня перед глазами рукой, пощёлкал пальцами.

– Слышишь?

– Да, – ответил я.

– Идти можешь?

– Да.

Он поднял оружие и протянул Виреске. Взяла спокойно, но не повесила на пояс, просто осталась стоять с ним в руке. Дюк обернулся ко мне и мотнул головой:

– Ну, пошли тогда.

Дюк

Дневник памяти, день 3***.

Ещё на входе в Ветра всё пошло не совсем так, как рассчитывал. Вместо этих трёх имбецилов, навстречу предкам отправились старик и женщина. Валентина вовремя выдер-

нул, но он слишком долго приходил в себя. Его легко обезоружили эти трое и ушли обратно. Вечером откололся и Валентин. Расклеился из-за того, что я утихомирил какого-то пьяницу на постоялом дворе у Захара. Теперь придётся тащить на себе больше барахла.

Глава ноль-II. Быт

Лениво прожужжал звонок. Затем ещё раз, и ещё, обретая уже беспокойные нотки. Нетерпеливо постучали в дверь и, не дождавись ответа, дёрнули за ручку. Оказалось – не заперто. В прихожую ворвалась бурлящая жизнь в лице симпатичной краснощёкой девушки с тающими снежинками в искусственно завитых золотистых волосах. Молодая особа быстро сбила остатки снега с меховых сапожек, скинула оные в угол, небрежно бросила куртку на вешалку и понеслась на кухню с двумя пакетами в руках.

– Ты про замки хоть раз слышала? – больше с беспокойством, нежели негодуя, проворчала золотовласая. Ира сидела на кухне, в окружении ведёрок с красками, – И что с твоей головой?

– Как бы ты тогда вошла? – проигнорировав последний вопрос, ответила Ирина.

– А если бы какой-нибудь наркоман по этажу шастал?

Девушка на полу поморщилась, вдохнула, будто готовясь выпалить какую-то колкость, но неожиданно ласково произнесла:

– Я же знала, что ты придёшь. Давай, Маша, иди сюда.

Мария окончательно успокоилась, села на расстеленные газеты рядом со своей близняшкой и обхватила её обеими

руками. Прижалась щекой к холодному плечу.

– Ну, как ты?

– Лучше не бывает, – ответила Ира, доливая в большое чёрное ведро белую краску, стараясь, впрочем, не разбить сестринских объятий, – вот, занятие себе нашла.

– Почему не звонишь?

Дежурный вопрос, на который всегда находились разные ответы. На этот раз оказалось, что телефонный баланс был пуст. Мария не стала напоминать, что он автоматически пополняется с семейного счёта, лишь с лёгким укором поинтересовалась о следующем:

– А почему не отвечаешь? Ты же знаешь, мама с папой всегда у меня спрашивают, и волнуются.

– Знаю, – с грустью ответила Ира.

Отложила кисть, которой помешивала краску, и погладила родную и тёплую руку на своём плече.

Это был... хороший день. Были шутки, обсуждение последних новостей, был разбор пакетов с продуктами, затем завтрак, совместно приготовленный. Сёстры вместе закрашивали старые рисунки, хотя Мария долго протестовала. Серой краской да по единорогу?! – кощунство! Потом заплетали друг другу косички – для такого случая не жалко было даже истраченных денег и часов в парикмахерской. Опять совместное и весёлое стояние у плиты, ранний ужин. Очень ранний. Как только бледный солнечный диск коснулся горизонта, Мария начала собираться.

Она крепко обняла на прощание сестру и потребовала, чтобы та заперла за ней дверь. Уже на улице обернулась и посмотрела на крайний балкон верхнего этажа. Ирина стояла в одной лишь футболке, обняв себя за плечи. Провожает взглядом. А теперь машет, и даже не спешит уходить в тепло. Мария подумала, что это хороший знак. Появился даже порыв отложить все завтрашние дела и прийти снова, а не через неделю, как обычно, но... нет, нельзя. Неизвестно почему, но так могло стать – и обязательно становилось – только хуже. На редкие визиты сестры Ира реагировала тепло, но если посещения учащались, появлялся подозрительно-насмешливый тон, а немногим позже – и обвинения в гиперопеке и порывах тотального контроля со стороны родни. Обвинения эти были шутливыми, но отдавали морозом, как и пронзительный взгляд больной сестры. Да-да, Мария считала свою сестру не иначе, как больной, и никакие типы в белых халатах не могли изменить такого мнения своими витиеватыми и скользкими речами. Что-то там про период реабилитации? – бред! До тех пор, пока сестра будет сторониться родителей и разговаривать по ночам с тенью шкафа, Мария не изменит своего мнения. Но ведь... этот день прошёл хорошо, правда? В это очень хотелось верить.

Мак не смог пересилить себя и подняться выше пятого этажа.

– Как тут вообще люди живут? – он вернулся на первый этаж и сел на холодную разодранную обивку.

Кто-то уже успел обжечь этот уголок – стена возле трона покрылась серым крапом от тушения сигаретных окурков, а рядом стояла батарея пивных банок. Видимо, кто-то мнил себя очень хитрым и решил не обращать внимание на объявление «Крупный и строительный мусор собственник вывозит за свой счёт», решив оставить этот древний предмет интерьера со словами «авось сами вынесут».

Ожидание – основа прогресса. Парадоксально, но факт. Мак давно убедился, что для достижения успеха нужно в первую очередь научиться ждать, нельзя нахрапом взять желаемое. Иначе можешь получить ответку. Ещё одна простая истина – у всего есть последствия. Тем более нельзя спешить, если не до конца разобрался в ситуации. Друг канул в небытие, но следы обрываются именно здесь – почему? И печать эта судейская... с судьями шутки плохи, нельзя из чистого любопытства ковырять стены, которые построены столь сильными игроками. Тогда почему они сами перестали появляться? Девушка, что там живёт, тоже не даёт покоя. Из-за бешеного фона никак не разобрать, что с ней не так. Чем дольше Мак смотрел на сплетение нитей следов живых людей, судей, шрамов энергетического полотна, тем больше увиденное ассоциировалось с болезнетворным, кровоточащим наростом на старом дереве.

Жильцы ходили вверх и вниз по лестнице, неодобритель-

но зыркали, какая-то старушка даже остановилась напротив Мака и плюнула себе под ноги, проклиная «молодёжь и наркотики». Смешно, что в его сорок три года внешность была настолько обманчива. Мужчина заслужено считал это комплиментом – сохранять здоровье было настоящей работой, непрерывным трудом над собой и своим окружением.

Просидев до самого вечера и порядком проголодавшись, Мак направился к магазинчику, который заметил по пути от метро. Постоянный разгон крови для поддержания нужной температуры тела занимал много энергии. А по возвращении обнаружил кресло уже разобранным в мусорном баке у входа в подъезд. Что поделаться, людям не нравятся чужаки!

– Интересный у вас аппарат, – Эвальд провёл пальцами по пластиковой панели с раскрасом под дерево.

– Ага, – ответил довольный водитель, – хоть в музей сдавай. Вот, смотри, – достал из внутреннего кармана плоскую чёрную коробочку, – ты, наверное, даже не видал таких?

– Нет.

– А теперь вот так... – он затолкал коробку в щель на панели и нажал несколько кнопок.

Салон наполнился звуками музыки, сопровождаемой непрерывным потрескиванием. Парень невольно поморщился.

– Знаю, что ты скажешь: качество не то, звук с помеха-

ми.... Все вот носятся со своей супер-пупер техникой, гонятся за последними новинками. А я так думаю, что иногда важно быть не таким, как все. Думать своей головой, а не зомбо-ящиком.

– Да, наверное, – интерес к старинной диковинке иссяк, и Эвальд отвернулся к окну.

«Таксист-философ... а вообще щепотка соли в этом есть. Разнообразие двигает прогресс, а стабильность порождает застои – так было всегда. Но что, если весь этот процесс бесполезной гонки за „красивым“ только кажется развитием? Меняется, обрастает новыми и хорошо забытыми старыми деталями, но в принципе не даёт абсолютно ничего...»

Водитель давал справки о песне, о музыке в общем, о горячо им любимой архаичной магнитоле. Потом включил радио и сосредоточился на дороге.

– ... процесс был завершён в пользу обвиняемого. Напоминаем, что седьмого июля этого года на строительной площадке города N Ленинградской области произошла авария, унесшая жизни девяти человек, трое из которых были случайными прохожими. Против главного инженера, Котикова Бориса Семёновича, было возбуждено уголовное дело по статье «преступная халатность, повлекшая за собой гибель двух и более лиц». Однако специальная комиссия, проводившая расследование, не выявила нарушений технологических норм, и суд признал инцидент несчастным случаем.

– Комиссия, – фыркнул таксист, – полгода прошло, чего

они там найти могли?

– ... монастыря в сторону Дома Правительства пройдёт демонстрация протеста, организованная партией...

Таксист опустил стекло и показательно сплюнул. Гул города, живущего своей обычной жизнью, заглушил добрую часть отборного мата. Эвальд так и не понял: ругань обращена на чёрно-зелёных, или же в их поддержку?

– И немного о погоде. На столицу обрушилась небывалая оттепель. Зафиксировано повышение температуры до плюс пяти градусов по Цельсию.

Автомобиль, по дневному обычаю, маневрировал, пере-страивался, отвоёвывая себе место на дороге, стараясь быть в нужном месте как можно быстрее. Водитель сетовал на цены, на медленно строящиеся подвижные дороги, затем сам себе противоречил, ругая уже само наличие такого объёма общественного транспорта. Пассажир рассматривал быстро убегающий тротуар. «Белая грязь» – так мать Эвальда в шутку всегда называла снег. Снегопад, резко обрушившийся на город и бушевавший с разной степени силой четыре дня подряд, так же резко уступил место солнцу. Сугробы быстро таяли, вдоль бордюров собирались длинные лужи, водостоки не справлялись с таким количеством воды. С крыш домов то и дело сползали огромные пласты снега и падали далеко за пределы предупредительной красно-белой ленты, заставляя прохожих выбирать: тесниться у края тротуара и быть обрызганными проезжими автомобилями, или же идти у стены,

постоянно поглядывая вверх. От былой белоснежной красоты не осталось и следа: одна лишь серая каша, непрестанно перемалываемая ботинками, кроссовками и сапожками.

«Белая грязь» – усмехнулся про себя Эвальд. Внимание вдруг привлекло какое-то движение в переулке. Чуть не выдавив головой крышу, парень подскочил в сидении.

– Тормози! Быстро!

Таксист вывернул руль, ловко уходя в сторону обочины и сбавляя скорость.

– Жди! – бросил водителю, на ходу выпрыгивая из автомобиля.

Вода из глубокой лужи моментально перехлестнула через край туфель и насквозь промочила носки. Эвальд пересёк тротуар и пошёл вдоль стены, осматриваясь по сторонам. Тук, тук, тук... сердце размеренно стучало, отчётливо отдаваясь в ушах, но нисколько не заглушая ни гула машин, ни капли с крыш, ни чавканья под ногами. Натянув плотней перчатки, парень поднял с земли обломок толстой сосульки.

«Ничего так, хорошо в руке лежит» – подошёл к углу здания и выглянул. Два парня и девушка стояли к нему спиной. Ещё один человек лежал на земле. Парни никуда не спешили. Изредка по очереди пинали лежащего, а девушка снимала всё на камеру. Тук... тук... сердце стало биться на пару тактов реже.

«Ну, прости Господи!» – сжал покрепче льдину, чтобы та не выскользнула, ускоряющимся шагом подошёл сзади

и огрел ближайшего хулигана. Тот как раз замахивался, но удар по шее свалил его набок. Подскочив ко второму, Эвальд ткнул носком туфли по внутренней стороне колена, а когда противник припал на одну ногу и упёрся руками в землю, наотмашь ударил сосулькой по лицу.

– Держи, родимая, не отпускай!

Девушка поймала брошенную ей льдину, чуть не уронив при этом камеру. Прижала оба предмета к груди. Потопталась на месте под ироничным взглядом Эвальда, потом попятилась, несколько раз споткнулась и скрылась за углом дома.

Прохожие продолжали идти по своим делам. Бабулечки ужасались, крестились и спешили удалиться. Те, что помоложе, кто с интересом, кто с безразличием смотрели на пропущенную потасовку и шли дальше. Тук, тук, тук... сердце вернулось к обычному своему ритму. Осмотрел избитых. Всё ещё возятся, не в силах подняться. Только сейчас заметил у одного из них на рукаве радужную нашивку. Подошёл и вlepил звонко по уху ладонью. Тело плюхнулось, завыло. Повернулся к тому, которого пришёл спасать. Лежит, не шевелится.

Взвалив беднягу на плечо, Эвальд поспешил обратно, к дороге. Как ни странно, таксист не уехал, припарковался у обочины, теперь нервно оглядывается и смотрит на часы, видимо, отсчитывая оставшееся время до штрафа от парковочного регистратора. Завидев пассажира с ношей, выкатил гла-

за и поспешил открыть заднюю дверь.

– Господи, это кто ещё?!

Эвальд свалил тело на сиденье. По лицу нельзя было определить, сколько этому человеку лет – всё, что не опухло синими буграми, то кровоточило. Под разодранной в клочья курткой чернела футболка с надписью «Радуга – тупик эволюции».

– Так это его...

– Они самые, – отрезал парень, – вези его в больницу. Доплатить надо? – выжидающе посмотрел в лицо водителя.

Тот замялся, встретил тяжёлый взгляд пассажира и отмахнулся:

– Да чего уж там...

– Езжайте.

– А ты?

– Мне в другую сторону. Спасибо.

Таксист ещё раз махнул рукой и поспешил за руль.

Проводив взглядом машину, Эвальд вернулся на тротуар. Пошевелил пальцами ног. В обуви противно квакало, ступни начало сводить холодным спазмом. Подошёл к стене, прислонился спиной и снял поочерёдно туфли. Под изумлённые взгляды прохожих выжал носки и, насколько возможно, саму обувь. Протёр ступни носовым платком, обулся. Посчитал мелочь в кармане – на вызов новой машины такси уже не хватало – и, пожав плечами, направился к трамвайной остановке.

Вагон плавно катился по рельсам, в какой-то момент в окнах стали мелькать люди с транспарантами. Небольшими группами шли вдоль дороги, мешая движению и провоцируя водителей на нервные удары по клаксонам. Были и другие – эти стояли на месте, зло смотрели на демонстрантов или же изредка начинали скандировать противоположные надписям лозунги. Жиденькая цепочка людей в синей форме предупредительно постукивала дубинками о щиты, не давая слиться враждующим сторонам в кровопролитном замесе.

Иногда – особенно в такие вот моменты – Эвальд чувствовал глубокое облегчение, что вырос далеко от столицы. От одной мысли о том, что он мог вот так стоять у стены с шестиполосной яркой лентой на рукаве, начинало мутить, к горлу подкатывал тошнотворный ком, а по спине пробегал холодок.

Глава II. Ветра

Валентин

Я никак не мог отделаться от... негодования? Глупо, в моём-то положении. Но что я ещё должен был думать? Сева с Ларисой мертвы. Всё произошедшее на привале неожиданно ярко всплыло в памяти. Я видел, как вскочил Сева, побежал прочь, пытаясь поймать кого-то невидимого и приговаривая «Кис-кис-кис, иди сюда, не убегай же». А Лариса просто свернулась калачиком, обхватив голову руками. «Не надо, не надо!» – подвывала всё тише и тише, а кожа её серела, одежда быстро сгнивала, осыпалась. Девушка и сама начала рассыпаться, как пересоший песочный кулич. В итоге от неё не осталось и следа. Гопы просто лежали без сознания. Уж лучше бы сдохли они. Ладно, допустим, Дюк держал меня, не дал помереть. Но почему бросили Севу? А когда я предложил его поискать? – «Оставайся, если хочешь»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.